

Научная статья
УДК 343.237
doi: 10.17223/15617793/513/26

Формы соучастия в преступлении: отражение в уголовном законе и судебной практике

Александр Викторович Шеслер^{1, 2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия*

^{1, 2} *sofish@inbox.ru*

Аннотация. Рассматриваются дискуссионные вопросы разграничения форм соучастия в преступлении между собой, их значение для уголовной ответственности соучастников. Критикуется позиция законодателя, которая не позволяет установить отличия между организованной группой и преступным сообществом, расширяет пределы уголовной ответственности организаторов и руководителей этих образований. Предлагается разграничить в уголовном законе преступную организацию и преступное сообщество, привести редакцию части ч. 5 ст. 33 УК РФ об уголовной ответственности организаторов и руководителей организованной группы и преступного сообщества в соответствии с общими положениями об основаниях и пределах уголовной ответственности соучастников преступления.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, формы соучастия, организованная группа, преступное сообщество, преступная организация, совершение преступления группой лиц, соисполнительство

Для цитирования: Шеслер А.В. Формы соучастия в преступлении: отражение в уголовном законе и судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 228–233. doi: 10.17223/15617793/513/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/26

Forms of complicity in crime: Reflection in criminal law and judicial practice

Aleksandr V. Shesler^{1, 2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation*

^{1, 2} *sofish@inbox.ru*

Abstract. The subject of this article is the problematic issues of reflection of joint criminal activity in criminal legislation through forms of complicity in crime, as well as the judicial interpretation of these forms in the process of law enforcement. The aim of the article is to substantiate the editorial changes in the current criminal law, which make it possible to distinguish between an organized group and a criminal community, based on the fact that the latter represents the complicity of the leaders of the criminal environment in its consolidation, and also allow taking into account the commission of a crime by a criminal community as qualifying signs of mercenary and mercenary-violent crimes. The author suggests that until the revision of Part 5 of Article 35 of the Criminal Code is amended, its provisions should be interpreted restrictively: organizers and leaders of organized groups and criminal communities should be criminally responsible for creating a criminal group, as well as for those crimes in which they participated as perpetrators, organizers, instigators, and accomplices within the meaning of Article 33 of the Criminal Code. The article criticizes judicial practice, according to which, as a qualifying feature of crimes in the form of commission of a crime by a group of persons, not only co-execution is considered, but also the fulfillment of the objective side of a specific crime by two or more individuals, of whom only one can be the subject of the crime (be sane and reach the required age of criminal responsibility). The article provides arguments against an expansive interpretation in law enforcement of co-execution of theft by attributing to it the actions of those persons who did not seize property, but during and at the scene of the theft provided its perpetrator with direct assistance in the crime (they broke down doors or locks without entering the dwelling, took out the stolen goods, secured accomplices from detection). The research is based on domestic criminal legislation, as well as materials of judicial practice. In the process of working on the article, the following methods were used: the method of comparative jurisprudence, which made it possible to compare the provisions of articles of the criminal law on various forms of embezzlement; the method of document analysis, which made it possible to analyze judicial practice and resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, which considered the issues of qualifying crimes committed by several persons; the formal-logical method, which made it possible to analyze the content of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation about various forms of complicity in crime. The author suggests that actions of members of an organized group should be differentiated depending on which of the functions provided for in Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation they performed when committing a joint crime (performer, organizer, instigator, accomplice).

Keywords: complicity in crime, forms of complicity, organized group, criminal community, criminal organization, commission of crime by group of persons, co-execution

For citation: Shesler, A.V. (2025) Forms of complicity in crime: Reflection in criminal law and judicial practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 228–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/26

Основное значение в противодействии преступлениям, совершаемым несколькими лицами, принадлежит мерам, основанным на применении уголовного закона. Законодатель постоянно совершенствует уголовно-правовые нормы о соучастии в преступлении, в частности, нормы о формах соучастия в преступлении, отвечая на меняющиеся и усиливающиеся вызовы со стороны криминальной среды. Вместе с тем уголовный закон не является совершенным в части отражения в нем различных форм совместного совершения преступления. Достаточно много вопросов возникает в связи с толкованием различных форм соучастия в преступлении в судебной практике.

Прежде всего, несмотря на законодательное определение разновидностей соучастия в преступлении (ст. 35 УК РФ), сложно установить юридические признаки, отличающие организованную группу от преступного сообщества. Обе разновидности преступных групп рассматриваются законодателем как устойчивые, а при определении преступного сообщества законодатель опирается на понятие организованной группы, которая, по его мнению, превращается в преступное сообщество при приобретении ею свойства структурированности или при объединении ее с другой организованной группой под единым руководством. Непонятно при сопоставлении редакции ст. 35, 210 УК РФ, что представляет собой преступное сообщество, а именно: устойчивую группу, возникшую на основе совместного совершения преступлений, или на основе совместной деятельности лидеров преступной среды. Кроме того, возникают вопросы о том, как соотносятся между собой употребляемые законодателем термины «террористическое сообщество», «террористическая организация», «незаконное вооруженное формирование», «банда», «преступное сообщество», «преступная организация», «диверсионное сообщество», «экстремистское сообщество», «экстремистская организация» (в ст. 205.4, 205.5, 208-210, 281.3, 282.1, 282.2 УК РФ соответственно). Ситуацию запутывает сам законодатель, не называя вооруженное формирование, террористическую организацию, экстремистскую организацию преступными группами. В качестве уточняющих можно поставить вопросы о том, является ли преступное сообщество преступной организацией, являются ли диверсионное сообщество, террористическое сообщество, экстремистское сообщество разновидностями преступного сообщества, а банда и незаконное вооруженное формирование – разновидностями организованной группы.

Судебное толкование этих вопросов в соответствующих постановлениях ясности в решение поставленной проблемы не вносит. В пункте 2 постановления от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», в п. 12 постановления от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях

экстремистской направленности», в п. 22. 2 постановления от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» банда, экстремистское сообщество, террористическое сообщество определяются как разновидности организованных групп, созданных для совершения определенных видов преступлений (соответственно, для нападения на граждан и организации, преступлений террористического характера, преступлений экстремистского характера). Никаких положений о свойствах, присущих этим образованиям как преступным сообществам в смысле ч. 4 ст. 35 УК РФ, в этих постановлениях не содержится. В пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» однозначно отмечается, что в законе не указаны отличия между преступным сообществом и преступной организацией. В пунктах 3–5 данного постановления поясняется, что следует понимать под структурированной организованной группой и объединением организованных групп под единым руководством. Однако сущностного отличия между организованной группой и преступным сообществом не указывается.

В юридической литературе по этому поводу высказаны разные суждения. Одни исследователи, исходя из отсутствия в уголовном законе четких критериев, отличающих указанные виды преступных образований друг от друга, предлагают именовать их единым термином – «преступные организации» [1. С. 156–181, 194]. Такое решение, на первый взгляд, привлекательно своей простотой. Однако оно не снимает необходимости отражения в уголовном законе криминальной деятельности различных преступных групп, отличающихся между собой характером и опасностью такой деятельности. Поэтому большая часть авторов исходит из того, что отличия между указанными преступными группами все-таки существуют, во всяком случае между организованной группой и преступным сообществом. Конечно, такое отличие усматривается не в том, что преступное сообщество объединяет участников в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения материальной выгоды, как на это указывает законодатель (ч. 4, ст. 35 УК РФ). В таких целях могут создаваться и организованные группы. При этом термины «преступное сообщество» и «преступная организация» исследователями употребляются в основном как синонимы.

Обычно такое отличие устанавливается, исходя из законодательного указания на то, что преступное сообщество является либо структурированной организованной группой, либо объединением организованных групп. В частности, такой позиции придерживается В.А. Попов [2. С. 45]. По сути, автор комментирует

действующую редакцию ч. 4 ст. 35 УК РФ также, как это сделано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12.

Несколько иную позицию занимает Е.В. Благов. Последний под преступным сообществом понимает преступную группу, в которой объединилось несколько организованных групп для совершения преступления [3. С. 203–219]. Буквальное толкование авторской позиции позволяет сделать вывод о том, что организованные группы могут объединяться и для совершения одного, причем любого по сложности преступления. Представляется, что такое объединение качественно нового преступного образования не образует, так как это объединение может быть разовым, не устойчивым, характеризоваться сиюминутным совпадением интересов самостоятельных преступных групп. Определение преступного сообщества как структурированной организованной группой тоже не вносит ясности в рассматриваемую проблему, так как преступное сообщество по-прежнему в критикуемой трактовке остается организованной группой. Причем любая группа, даже не организованная, имеет свою структуру, хотя и разной степени сложности.

Некоторые авторы пытаются отойти в установлении отличия между организованной группой и преступного сообщества от признаков, указанных законодателем. Так, А.П. Козлов утверждает: отличие между ними заключается в том, что преступное сообщество является устойчивой преступной группой, в которой действия ее участников являются согласованными [4. С. 282–299]. Отметим, что при таком подходе непонятно, зачем законодатель вообще выделял преступление, совершенное организованной группой, в отдельную разновидность соучастия в преступлении. Достаточно было указания на совершения преступления по предварительному сговору группой лиц, так как такая группа лишена признака устойчивости. Кроме того, признак согласованности действий соучастников характеризует не только преступление, совершенное преступным сообществом, но и любую форму соучастия в преступлении, так как такая согласованность (хотя и различной степени) характеризует совместность действий нескольких лиц при любом соучастии.

М.И. Ковалев утверждал, что свойство устойчивости у преступного сообщества должно быть отличным от устойчивости, которая характеризует организованную группу. Однако при этом автор приводил те признаки преступного сообщества, которые характеризовали ее как криминологическую общность (круговая порука участников, выбор преступной деятельности как судьбы, профессии, наличие стратификации, принятой в криминальной среде и т.д.) [5. С. 197–198]. Заметим, что отождествление преступного сообщества, характеризующего одну из форм соучастия в преступлении, с социальной средой профессиональных преступников в 1990-х гг. не позволило в значительном числе случаев применить на практике ст. 210 УК РФ, так как действия лидеров преступной среды, направленные на консолидацию последней, не попадали под признаки деяния, указанные в первоначальной редакции этой статьи (разрешение конфликтных отношений

между участниками, раздел сфер влияния, распределение преступных доходов и т.д.). В результате авторитеты, задержанные правоохранительными органами за участие в «сходках», затем освобождались без предъявления им обвинений в совершении каких-либо преступлений [5. С. 64–67]. Актуальная редакция ст. 210 УК РФ значительную часть таких действий криминализовала, однако, безусловно, не все. Поэтому в определении сути преступного сообщества в уголовно-правовом смысле отождествлять его с криминальной средой как определенным социальным образованием не следует.

На наш взгляд, необходимость в различном содержании терминов «организованная группа», «преступная организация», «преступное сообщество», безусловно, существует. С конца 1980-х гг., когда развитие групповой преступности сформировало новую ее качественную разновидность – организованную преступность, стало очевидным, что значительная часть функций лидеров преступной среды по ее консолидации оказалась вне сферы действия уголовного закона, не охватывалась признаками соучастия в преступлении. В этой связи в многочисленных исследованиях предлагалось криминализировать именно эту деятельность. Практически такие предложения воплотились в проект Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», внесенного на рассмотрение в Государственную Думу членами комитета по безопасности В.И. Илюхиным, В.А. Колмаковым, В.И. Косых и С.С. Босхоловым. В нем преступная организация характеризовалась как объединение организованных групп, а преступное сообщество – как соучастие организаторов, руководителей и иных представителей преступных организаций, организованных групп в целях создания благоприятных условий для преступной деятельности. Именно данное законодательное решение было и остается запросом со стороны государственных органов, ведущих борьбу с лидерами преступной среды. Полагаем, что такое закрепление понятий преступного сообщества и преступной организации в действующем УК РФ исключило бы возможность появления ст. 210.1 УК РФ, предусматривающей наказуемость не деяния, содержащего все признаки состав преступления, являющегося в соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности, а социального статуса лица, его общественной опасности. Безусловно, данное законодательное решение является неприемлемым [7. С. 110–122].

Вышеизложенное также означает, что вместо терминов «террористическое сообщество», «террористическая организация», «незаконное вооруженное формирование», «банда», «диверсионное сообщество», «экстремистское сообщество», «экстремистская организация» законодательно следует употреблять термин «организованная группа», а в соответствующей статье Особенной части УК РФ необходимо раскрывать только видовые, специфические свойства этих групп, которые законодатель решил выделить в качестве конститутивных признаков какого-либо самостоятельного состава преступления.

Вторая проблема связана с позицией законодателя в отношении ответственности руководителей организованных групп и преступных сообществ.

В соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ они несут ответственность за все совершенные этими образованиями преступления, если они только охватывались умыслом этих лиц. Необоснованное расширение уголовной ответственности данных лиц некоторые исследователи предлагают распространить на всех участников организованных групп и преступных сообществ. Такая позиция обосновывается тем, что последние выполняют в организованных группах и преступных сообществах определенные важные функции, например, добывают орудия и средства совершения преступлений [1. С. 184–185]. Полагаем, что критикуемая позиция противоречит общему подходу самого законодателя к определению соучастия в преступлении (ст. 32 УК РФ), означающего наличие не просто умышленных действий всех соучастников, но и, кроме того, наличие у них совместного умысла и взаимно обуславливающей связи между действиями каждого из них. Только при этом условии действия лица является вкладом в совместное преступление и влекут уголовную ответственность в соответствии с нормами о соучастии. Одно лишь осознание организатором или руководителем преступной группы (другим ее участником) факта совершения иными ее участниками преступления и наличие желания его совершения без признака совместности соучастия не могут служить основанием для привлечения организатора группы (других ее участников) к уголовной ответственности за эти преступления. Прежде всего, нет для этого оснований в отношении организатора и руководителя преступного сообщества, деятельность которого нередко вообще отчуждена от совершения конкретных преступлений. На наш взгляд, положение закона о пределах уголовной ответственности указанных лиц нужно трактовать ограничительно, а именно: они должны нести уголовную ответственность, во-первых, за сам факт создания группы либо руководство ею, во-вторых, за те преступления, которые они совершили совместно с другими лицами, являясь исполнителями (соисполнителями), организаторами, подстрекателями или пособниками в смысле ст. 33 УК РФ.

Третья проблема возникает из-за непоследовательной позиции законодателя в уголовно-правовой оценке повышенной общественной опасности преступлений, совершенных преступным сообществом. Имеется в виду, что совершение преступления преступным сообществом вообще не предусмотрено в качестве квалифицирующего признака преступлений (против жизни, здоровья, собственности, в сфере экономической деятельности и других), а указано лишь в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В практике применения уголовного закона такие ситуации получают двойную уголовно-правовую оценку, а именно: преступления квалифицируются как совершенные организованной группой, если соответствующий признак предусмотрен в статье Особенной части УК РФ (например, в п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ), а также оцениваются как обстоятельство, отягчающее наказание в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Вместе с тем правовая природа квалифицирующих признаков состава преступления и обстоятельств, отягчающих наказание, является различной, в силу чего

они по-разному влияют на наказуемость преступления [8. С. 13; 9. С. 92–94]. Квалифицирующие признаки состава преступления являются средством дифференциации уголовного наказания, за преступление, совершенное при их наличии, уголовный закон предусматривает повышенную наказуемость. Обстоятельства, отягчающие наказание, являются средством индивидуализации последнего. Наличие этих обстоятельств при совершении преступления оценивается уже не законодателем, а судом, который с учетом их влияния на общественную опасность конкретного преступления определяет вид и меру наказания при его назначении в пределах санкции, установленной в законе за определенное преступление. Чтобы избежать практики двойного учета повышенной общественной опасности преступлений, совершенных преступным сообществом, необходимо в ряде составов преступлений (прежде всего корыстных и корыстно-насильственных) подобное обстоятельство предусмотреть в качестве квалифицирующего признака.

Четвертая проблема состоит в том, что вновь возрождена порочная судебная практика квалификации действий, состоящих в выполнении объективной стороны преступления несколькими физическими лицами, из которых лишь одно является субъектом преступления, а остальные нет (в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости) как совершения преступления группой лиц. Прецедент подобной квалификации создан еще в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» применительно к квалифицирующему признаку совершения этих преступлений по предварительному сговору группой лиц. Позднее такая квалификация стала применяться в отношении всех форм хищения и изнасилования [10. С. 185; 11. С. 7].

В современный период судебная практика по данному вопросу является противоречивой. Так, Забайкальский краевой суд в своем постановлении № 44У-230/2019 4У-438/2-19 от 21 ноября 2019 г. по делу № 44У-230/2-19 признал необоснованным вменение Агинским районным судом Забайкальского края осужденному грабежа по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ), который был совершен им совместно с лицом, признанным невменяемым. Свое решение суд обосновал тем, что по смыслу закона такое деяние объективно не образует ни соучастия, ни соисполнительства, тем более с предварительной договоренностью между указанными лицами.

Напротив, Судебная коллегия по уголовным делам от 27 мая 2021 г. № 75-УДП 21-8-КЗ поддержала решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 2 декабря 2019 г., которым Ч. признан виновным в краже по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ), совершенной им с Л., признанным невменяемым. Свою позицию Судебная коллегия обосновала тем, что невменяемый Л. лично участвовал вместе с Ч. в хищении, для Ч. действия невменяемого Л. носили адекватный, последовательный, целенаправленный характер, последствия преступления были результатом их совместных действий [12. С. 16–17].

В литературе среди исследователей позиции по этому поводу тоже разделились. Одни исследователи полагали, что группа лиц должна вменяться при наличии признаков субъекта преступления даже у одного из фактических участников преступления, выполнивших объективную сторону конкретного состава преступления. Свое мнение они обосновывали тем, что это позволяет отразить повышенную общественную опасность группового посягательства [13. С. 36–38; 14. С. 51–53]. Другие справедливо утверждали, что такая позиция не основана на законе, что группу лиц могут образовывать только те участники совместного преступления, которые обладают признаками субъекта преступления, т.е. возрастом и вменяемостью [15. С. 243–244; 16. С. 11–13]. Последняя позиция действительно соответствует уголовному закону, так как, согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ, участниками группового преступления являются соисполнители, которые, в свою очередь, согласно смыслу ч. 2 ст. 33 УК РФ, должны быть вменяемы и достигнуть возраста уголовной ответственности. Кроме того, отметим, что даже для фактических участников преступления, не являющихся его субъектами, как показал приведенный выше пример из судебной практики, необходим определенный уровень осознанности поведения для того, чтобы они могли взаимодействовать с другими участниками совместного посягательства. Это означает, что проблема с точки зрения практики усложняется, так как необходимо для фактических участников преступления выработать четкие формализованные критерии для отнесения их к участникам группы в уголовно-правовом смысле. Получается, что помимо признаков субъекта преступления нужно установить в уголовном законе признаки еще какого-то субъекта, действия которого получают уголовно-правовую оценку, но который не несет уголовной ответственности. Полагаем такое решение оценки группового посягательства при одном субъекте преступления абсурдным. Подобная группа может быть признана преступной не в уголовно-правовом, а только в криминологическом значении, соответственно, быть объектом не уголовно-правового, криминологического воздействия [6. С. 14].

Важнейшей проблемой является расширительное толкование в судебной практике совершения хищений как групповых за счет включения в него действий пособников, прежде всего тех, кто оказался во время и на месте совершения преступления. Так, согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», участником группового хищения являются лица, которые, согласно предварительной договоренности, оказывали непосредственное содействие его исполнителю (лицу, непосредственно изъявшему имущество). В частности, как соисполнительство (совершение преступления по предварительному сговору группой лиц) без ссылки на ст. 33 УК РФ предлагается квалифицировать действия тех соучастников хищения, которые участвовали во взломе дверей

или запоров, не проникая в жилище, вывозили похищенное, подстраховывали соучастников хищения от обнаружения. Полагаем, что подобная позиция является ошибочной. Законодатель, различая действия соисполнителей (участников совершения преступления группой лиц) и соучастников преступления в смысле ст. 33 УК РФ (организаторов, исполнителей, подстрекателей и пособников), ориентирует правоприменителя на дифференциацию их уголовной ответственности, исходя из различной общественной опасности деяния, требуя учитывать характер и степень фактического участия каждого лица в совместно совершенном преступлении (ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 67 УК РФ). Критикуемая нами практика эту дифференциацию нивелирует.

Вместе с тем возможна квалификация действий как соисполнителей тех соучастников хищения, которые непосредственного изъятия чужого имущества не осуществляли, однако непосредственно выполняли действия, сопряженные с похищением, посягающие на дополнительный объект. Например, такая квалификация возможна тех действий, которые образуют проникновение лица, оказывающего содействие в краже, в жилище путем взлома двери. Непосредственного изъятия имущества такое лицо не совершило, но выполнило объективную сторону незаконного проникновения в жилище, которое предусмотрено ст. 139 УК РФ. Такое деяние посягает на отношения, обеспечивающие неприкосновенность жилища. В соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ сопряженность кражи с незаконным проникновением в жилище не является совокупностью преступлений, квалифицируется как одно преступление по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

И, наконец, вызывает возражение позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в целом ряде его постановлений о судебной практике по конкретной категории уголовных дел (в п. 10 постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», п. 15 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и др.), в соответствии с которой действия всех участников организованной группы независимо от их роли в преступлении предлагается квалифицировать как соисполнительство в преступлении без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Полагаем, такая позиция, как и предыдущая позиция по вопросу расширительного толкования соисполнительства за счет включения в него действий пособников, противоречит требованию закона об учете характера и степени фактического участия каждого лица в совместно совершенном преступлении (ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 67 УК РФ).

В заключение отметим, что правильная позиция законодателя и судебной практики в разрешении указанных нами проблем позволит повысить эффективность уголовно-правового противодействия групповой преступности.

Список источников

1. Куфёлкина И.Ю. Формы соучастия в преступлении: проблемы теории и законодательной регламентации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2024. 252 с.

2. Попов В.А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики. М. : Проспект, 2018. 128 с.
3. Благоев Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность. М. : Юрлитинформ, 2021. 320 с.
4. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 362 с.
5. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд-во Ур ГЮА, 1999. 204 с.
6. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 84 с.
7. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110–122.
8. Чечель Г.И. Смягчающие обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 166 с.
9. Кругликов Л.Л. Смягчающие обстоятельства и отягчающие обстоятельства в уголовном праве. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 164 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М. : Юрид. лит., 1980. 416 с.
11. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.
12. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 5.
13. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М. : Юрид. лит., 1980. 80 с.
14. Рарог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51–53.
15. Кригер Г.А. Квалификация хищения социалистического имущества. М. : Юрид. лит., 1974. 336 с.
16. Дядькин Д.С. Соучастие в преступлении. М. : Компания Спутник+, 2004. 156 с.

References

1. Kufyolkina, I.Yu. (2024) *Formy souchastiya v prestuplenii: problemy teorii i zakonodatel'noy reglamentatsii* [Forms of Complicity in a Crime: Problems of Theory and Legislative Regulation]. Law Cand. Diss. Kazan.
2. Popov, V.A. (2018) *Prestupnoe soobshchestvo (prestupnaya organizatsiya): voprosy teorii i praktiki* [Criminal Community (Criminal Organization): Questions of Theory and Practice]. Moscow: Prospekt.
3. Blagov, E.V. (2021) *Souchastie v prestuplenii i ugovnaya otvetstvennost'* [Complicity in a Crime and Criminal Responsibility]. Moscow: YurLitinform.
4. Kozlov, A.P. (2001) *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: Traditions and Reality]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
5. Kovalev, M.I. (1999) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a Crime]. Yekaterinburg: UrSLA.
6. Shesler, A.V. (2014) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a Crime]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
7. Shesler, A.V. (2020) "Vor v zakone": kriminal'nyy status ili osnovanie ugovnoy otvetstvennosti ["Thief in Law": Criminal Status or Grounds for Criminal Responsibility]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 42 (1). pp. 110–122.
8. Chechel, G.I. (1978) *Smyagchayushchie obstoyatel'stva i ikh znachenie v individualizatsii nakazaniya* [Mitigating Circumstances and Their Significance in the Individualization of Punishment]. Saratov: Saratov State University.
9. Kruglikov, L.L. (1985) *Smyagchayushchie obstoyatel'stva i otyagchayushchie obstoyatel'stva v ugovnom prave* [Mitigating and Aggravating Circumstances in Criminal Law]. Voronezh: Voronezh State University.
10. Severin, Yu.D. (ed.) (1980) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
11. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. (1992) 7.
12. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2022) 5.
13. Galiakbarov, R.R. (1980) *Kvalifikatsiya gruppovykh prestupleniy* [Qualification of Group Crimes]. Moscow: Yurid. lit.
14. Rarog, A. & Esakov, G. (2002) *Ponimanie Verkhovnym Sudom RF "gruppy lits" sootvetstvuet printsipu spravedlivosti* [The Understanding of a "Group of Persons" by the Supreme Court of the Russian Federation Corresponds to the Principle of Justice]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 1. pp. 51–53.
15. Krieger, G.A. (1974) *Kvalifikatsiya khishcheniya sotsialisticheskogo imushchestva* [Qualification of Theft of Socialist Property]. Moscow: Yurid. lit.
16. Dyad'kin, D.S. (2004) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a Crime]. Moscow: Kompaniya Sputnik+.

Информация об авторе:

Шеслер А.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025;
одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 10.01.2025;
approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.